

МАРИЯ ТЕРЕЗА ДЖИРАРДИ

BEN FAR И СПАСЕНИЕ. НЕСКОЛЬКО РАЗМЫШЛЕНИЙ

В статье представлен лингвистический анализ словосочетания «ben far» в контексте «Божественной комедии» Данте. Доказывается, что дантовское благодеяние лежит в сфере политической и гражданской деятельности. Автор анализирует роль социального благодеяния на пути к спасению. Опровергается идея Брунетто о недостаточности словесного благодеяния в сравнении с гражданским благодеянием. Формулируется концепция поэтического благодеяния в «Божественной комедии», выполняющего функцию христианского наставления.

Ключевые слова: благодеяние, исторический план, план вечности, политика, антропология поэзии, вера, Данте.

Выражение «творить добро» [ben far] встречается в «Комедии» восемь раз: дважды в первой кантике («Ад», VI, 81 и XV, 64), четырежды в «Чистилище» (XVIII, 105 и 108; XXII, 60; XXX, 60) и дважды в «Раю» (VI, 132 и IX, 24), где мы находим синонимы этого выражения: в первой из сцен, образующих посвященный Каччагвиде триптих, — «bene ovgar» (XV, 141) и позже «bene operar» (XX, 59).

В трех из этих случаев выражение «ben far», понимаемое вполне буквально — как в смысле «творить добрые дела», так и в смысле «хорошо что-либо делать», — указывает на конкретное действие,

© Maria Teresa Girardi, 2016

© Biblioteca Ambrosiana-Bulzoni editore

© Юлия Иванова, Павел Соколов, перевод, 2016

Публикуется по изданию: M.T. Girardi, Peccato, penitenza e santità nella 'Commedia', a cura di M. Ballarini, G. Frasso, F. Spera, Milano, Biblioteca Ambrosiana-Bulzoni editore, 2016, pp. 99–109.

которое оно характеризует. В обратном значении оно употреблено в «Раю», IX 22–24, где речь идет о встрече Данте и Куниццы да Романо на небе Венеры: «Свет, новый для меня, на мой призыв, / Из недр своих, пред тем звучащих славой, / Сказал, как тот, кто щедрым быть счастлив»¹. Здесь это выражение означает «делать доброе дело» и употребляется применительно к удовольствию, возникающему вследствие совершения добродетельного поступка, по аналогии с «Раем», XVIII, 58–60 («Как в том, что дух все более светло / Ликует, совершив благое дело, / Мы видим знак, что рвенье возросло») — в этом эпизоде возрастание ликования, испытываемого «bene operando» [от совершения благих дел], оказывается в полном соответствии с «Никомаховой этикой» Аристотеля (III, iii 165), признаком возрастания в добродетели.

В этом же значении рассматриваемое выражение употребляется и в «Чистилище», XXX, 60 — в этом эпизоде Беатриче уподобляется адмиралу, «побуждающему» [incora] корабельщиков «приналечь на весла» [ben far], т. е. добросовестно исполнять свои обязанности; а также в Ч., XVIII, 103–105, где уже сами души кающихся призывают друг друга к «studio di ben far» [ревности в свершеньи благих дел], т. е. к тому, чтобы с усердием и радением исполнять то, в чем состоит их наказание. Повторение этого же выражения в соседнем 108 стихе в самом общем значении благодеяния, благих трудов как проявления любовного пыла позволяет сделать более наглядной природу греха, от которого души четвертого круга Чистилища стремятся очиститься: «Скорей, скорей, нельзя любвеобилью / Быть вялым! — сзади общий крик летел. — / Нисходит милость к доброму усилью // О вы, в которых острый пыл вскипел / Взамен того, как хладно и лениво / Вы медлили в свершенье добрых дел!» Акцент на «ben far» подчеркивается итеративным употреблением этого выражения в сильной позиции в конце терцины — такой прием сопровождает каждое появление этого выражения на страницах «Комедии» за исключением только А., XV, 64, где оно возникает в начале терцины, но все равно в конце синтаксического периода: метрико-синтаксическая структура рассматриваемых фрагментов помещает мотив благодеяния в центр повествования.

Этот прием мы встречаем в первом случае употребления выражения «ben far» в шестой песни «Ада». После того, как Данте получил от

¹ Цитаты из «Божественной комедии» здесь и далее приводятся в переводе М. М. Лозинского — кроме тех случаев, где различие между оригиналом и переводом имеет смыслообразительное значение — *прим. пер.*

Чакко ответ на три заданных им вопроса о трагическом положении «усобного города» (А., VI, 61), и осужденный на вечные муки чревоугодник уже «смолок на этих горестных словах», предвещавших скорби и несчастья, последствия которых были бедственными и для самого поэта (А., VI, 64–76), автор «Комедии» присовокупляет к первым трем еще один вопрос, касающийся посмертной участи выдающихся представителей правящих кругов флорентийской знати, относившихся к поколению, предшествующему Данте:

...И я ему: «Из бездны злополучий
Вручи мне дар и будь щедрей в речах.

Теггьяйо, Фарината, дух могучий,
Все те, чей разум правдой был богат,
Арриго, Моска или Рустикуччи, —

Где все они, я их увидеть рад;
Мне сердце жжет узнать судьбу славнейших:
Их нежит небо или травит Ад?» (А., VI, 77–84)

Данте вопрошает о судьбе знаменитых сограждан, употреблявших свой разум и таланты на поприще политической и гражданской жизни, радея об общем благе Флоренции, которая в течение жизни всего лишь одного поколения оказалась в трагическом положении терзаемого раздорами, развращенного города, сделавшегося гнездилищем ненависти, корысти и алчности².

² Фарината дельи Уберти (ум. 1264 г.), принадлежавший к одному из наиболее выдающихся семейств флорентийской знати, был главой партии гибеллинов в период наивысшего их могущества; о его характере и деяниях, а также об отношениях между ним и Данте в «Комедии» рассказывают известнейшие стихи из А., X. Теггьяйо Альдобранди, черный гвельф из семьи Адимари (о распутном образе жизни ее членов, а также о свойственном им раболепии упоминается в Р., XVI, 115–117), пытался примирить враждующие партии во Флоренции и выступал против вступления флорентийцев в войну с сиенцами, которая обернулась поражением в битве при Монтаперти. Якопо Рустикуччи, один из самых известных и уважаемых флорентийских граждан своего времени, тоже гвельф и соратник Теггьяйо в его политических предприятиях, был народным капитаном Ареццо в 1258 г. Об Арриго мы не располагаем никакими точными сведениями; комментаторы выдвигали разные гипотезы о том, кто скрывается под этим именем; более того, в противоречие со словами Чакко, он более ни разу не упоминается в «Комедии». Выдающимся политическим деятелем был также Моска де' Ламберти: принадлежавший к гибеллинскому роду, могуществом не уступавшему семье Уберти, он уподобляется этим последним в речи Каччагвиды (Р., XVI, 109–111), который говорит о его гордыне и печальном конце его политической карьеры; о Моске см. также с. 103. О персонажах, упомянутых в этом

Впервые мотив благодеяния появляется в поэме в контексте общественной — политической и гражданской — деятельности человека и относится к сфере совместного существования людей; к этой области он, как мы увидим далее, и сводится прямо или косвенно.

Страстное желание найти ответ на последний из заданных Чакко вопросов, сопровождавший поэта с самого начала его путешествия («мне сердце жжет узнать», Ад, VI, 83), свидетельствует о принципиальном его значении для Данте. Стремление узнать о посмертной участи людей, в земной своей жизни наделенных выдающимися гражданскими добродетелями и пользовавшихся всеобщим уважением и признанием, подразумевает не только вопрос о том, какая участь постигла людей, которым современная Данте Флоренция в известной мере обязана своими бедами³. Независимо от случайностей истории и политической жизни, желание узнать об их посмертной судьбе заодно заставляет автора задаться вопросом о том, как соотносятся между собой совершение благих дел (усилий, направленных на общее благо) и спасение, подобно тому как в предшествующей песни тот же вопрос ставился применительно к столь же важной, хотя и принадлежащей к сфере частной, а не общественной жизни, проблеме любви, т. е. применительно к аффективной сфере⁴.

Ответ Чакко краток, но категоричен:

И он: «Они средь душ еще чернейших:
Их тянет книзу бремя грешных лет;
Ты можешь встретить их в кругах дальнейших»
(А., VI, 85–87).

Те, о ком ты меня спрашиваешь, отвечает Чакко, находятся среди насельников города Дит, там они терпят кары за разные вины. И в самом деле, Данте повстречает Фаринату дельи Уберти среди еретиков шестого круга, Теггьяйо Альдробанди и Якопо Рустикуччи — среди

фрагменте дантовой поэмы, см.: Pietro Santini, *Sui fiorentini che "fur sì degni"*, "Studi danteschi", VI (1923), pp. 25–44.

³ Так пишет в своем комментарии к этому месту Джорджо Инглезе: «Заключительный вопрос рождается у Данте под впечатлением от чудовищной картины, нарисованной Чакко. Если таково нравственное состояние сегодняшней Флоренции, то нельзя не задаться вопросом о людях, живших в недавнем прошлом и в определенном смысле ответственных за сегодняшние злоключения; что с ними стало?» (Dante Alighieri, *Commedia. Inferno, revisione del testo e commento di Giorgio Inglese*, Roma, Carocci, 2007, p. 99).

⁴ Впрочем, Саверио Белломо отмечал и публичный, в широком смысле политический, аспект греха похоти, которому посвящена пятая песнь: Dante Alighieri, *Inferno*, a cura di Saverio Bellomo, Torino, Einaudi, 2013, p. 89.

тех, кто извратил собственную природу, в круге седьмом в песни XVI (28–87), Москву — среди сеятелей раздора, насельников девятого рва в песни XXVIII (103–111). Вместе с ними в нижних кругах Ада заслуженные кары постигают и других, неидентифицированных представителей того же поколения. Благих дел недостаточно для спасения; есть разница между заслугами на гражданском поприще и моральными достоинствами. Это отчасти сознает и сам протагонист, коль скоро он сомневается в том, удостоились ли спасения или же обречены проклятию те персонажи, известия о которых он стремится получить и которыми сам он только что восхищался, словно бы ожидая от собеседника подтверждения своих сомнений, которое не замедлило последовать. Возможно, Данте предвосхищает ответ Чакко, когда он характеризует вышеупомянутых флорентийцев как «столь славных» [sì degni] (A., VI, 79), т. е. наделенных совершенно мирскими, пусть и сколь угодно высокими, достоинствами, связанными с понятием великодушия, в то время как выше он спрашивал Чакко о том, есть ли в развращенной Флоренции «праведники» (A., VI, 62 и 73), в которых заключалась бы надежда для города, уподобившегося библейским (Иер. 5, 1 и Быт. 18) Иерусалиму и Содому.

Боккаччо первым из комментаторов предложил толковать этот лестный отзыв Данте-протагониста как выражение точки зрения его современников, с восхищением и сожалением об утраченных возможностях взиравших на знаменитых граждан, прославивших Флоренцию в недавнем прошлом. И он же предложил выделять среди прочих гражданских или, точнее, придворных добродетелей «совершение благих дел» [ben far], угодных Богу:

...«которые были столь достойны» почестей — согласно суждению черни, которая всегда судит по внешней стороне вещей, не обращая внимания ни на причину их, ни на последствия [...]. Это были пять уважаемых и знаменитых рыцарей и граждан Флоренции; а коль скоро имена их казались достойными прославления, то о них и спрашивает особым образом автор, об остальных справляясь без упоминания имен [...]. И «другие» — это наши сограждане, «те, что направили свой разум», т. е. всю силу своего ума и все свое рвение, «к свершенью дел благих» посредством угрождения другим и чествования их, но не к совершению благих дел, угодных Богу⁵.

⁵ Giovanni Boccaccio, *Esposizioni sopra la Comedia di Dante*, a cura di Giorgio Padoan, in ID., *Tutte le opere*, a cura di Vittore Branca, vol. VI, Milano, Mondadori, 1965, p. 360 (VI 1, 69). Этот пассаж цитируется также в Vincenzo Crupi, *A proposito del «ben fare» del canto*

Пристальное внимание Боккаччо именно к этим стихам объясняется — как справедливо отмечал Лука Аццетта — тем, что «Отти-мо и Андреа Ланча, оба флорентийцы, единственные комментаторы, прежде Боккаччо толковавшие это место «Комедии», пришли к противоположным заключениям относительно его смысла»⁶). Если для первого из них заключительный вопрос Данте имеет целью увековечение славы его знаменитых сограждан, то Ланча указывает на двусмысленность, отличающую прежде всего ст. 81, и высказывается за интерпретацию его в антифрастическом ключе: «Но почему он говорит: *“те, что направили свой разум к свершенью дел благих”*, если эти люди были осуждены за великие грехи? Он говорит это, чтобы оттенить противоречие, желая разоблачить и обречь бесчестьем их злочиние»⁷). После него и после Боккаччо это ироническое прочтение было принято также Франческо Бути; затем его обсуждали и отвергли Бенвенуто да Имола и Кристофоро Ландино — этот последний посвятил рассматриваемому вопросу часть своего пространного и глубокомысленного комментария о различии гражданских и нравственных добродетелей. Точнее предмет размышлений Ландино можно было бы определить как тесно связанный с проблематикой спасения вопрос о сосуществовании в человеке — существе, наделенном высочайшими достоинствами, — великих добродетелей и великих пороков:

Однако Данте [...] особенно желал узнать о загробной участи именно тех граждан, которые в делах гражданского управления проявляли величие души и благоразумие. Но, как это обыкновенно случается в жизни смертных, чьи великие добродетели сочетаются со страшными пороками, и у этих ясный свет затмили мрак и тьма. Из-за этого поэт и колеблется, и не может решить, чего в них больше: добродетели, делающей их достойными небес, или порока, обрекающего их аду. [...] Таковым мне представляется истинный смысл этого текста. Я не одобряю мнения тех,

VI dell'«Inferno», «Critica letteraria», XXI/2 (1993), pp. 333–347 (статья вошла в состав книги ID., *Saggi danteschi*, Cosenza, Pellegrini, 2003, pp. 11–31).

⁶ Luca Azzetta, *Le «Esposizioni» e la tradizione esegetica trecentesca*, in *Boccaccio editore e interprete di Dante*, Atti del Convegno internazionale, Roma 28–30 ottobre 2013, a cura di Luca Azzetta e Andrea Mazzucchi, Roma, Salerno, 2014 (Pubblicazioni del «Centro Pio Rajna», 22), pp. 275–292: 286.

⁷ *Ibidem* (цитату см. в: Andrea Lancia, *Chiose alla «Commedia»*, a cura di LUCA AZZETTA, Roma, Salerno, 2012, tomo I [Edizione Nazionale dei Commenti danteschi, 9], p. 191).

кто утверждает, будто поэт здесь говорит иронически и в действительности имеет в виду, что в этих людях были заключены великие пороки без малейшего следа добродетели. [...] «*которые были столь достойны*» — как если бы он сожалел, что люди эти, столь прославленные своими добродетелями, все же из-за своих пороков заставляли сомневаться в справедливости их славы; «*те, что направили свой разум к свершенью дел благих*» — поэт имеет в виду, что они устремили высшую часть своего естественного ума к совершению заслуживающих похвалы деяний. Он изъясляет стремление понять цель их поступков, ибо естественным образом всякий благомыслящий человек желает того, чтобы люди, украшенные добродетелями, направлялись к гавани блаженной жизни, хотя бы они и не были вовсе лишены некоторых пороков⁸⁾.

Проблематический характер стихов, ставших «причиной разногласий» между толкователями, объясняется в действительности самим «перечнем» имен, приводимых Данте, — заметим кстати, что все они, во главе с Фаринатой, принадлежали к враждебной ему партии⁹⁾. При ближайшем рассмотрении, впрочем, наименее ясным моментом оказывается включение в число знаменитых флорентийцев, подвизавшихся на ниве свершения благих дел, Моски деи Ламберти, помещенного в сонм сеятелей раздора — следовательно, осужденного именно за грех, который более всех прочих способствовал тому, что нравственные устои и политическое положение дел оказались в плачевном состоянии, свидетелем которого и стал Данте. Ведь именно Моска был ответствен за убийство Буондельмонте Буондельмонти в 1215 г. — убийство, положившее начало борьбе между гвельфами и гибеллинами и, тем самым, всем последовавшим за ними во Флоренции гражданским раздором¹⁰⁾. Неслучайно Моска — единственный из

⁸ Cristoforo Landino, *Comento sopra la Comedia*, a cura di Paolo Procacciolo, Roma, Salerno, 2001, tomo II (Edizione Nazionale dei Commenti danteschi, 28), p. 480.

⁹ Недавно в поддержку гипотезы об антифрастическом характере этого места у Данте выступил Франческо Татео в своем остроумном комментарии к XVI песни «Ада», в котором он рассматривает фрагмент поэмы, посвященный встрече поэта с Якопо Рустикуччи и Теггьяйо Альдобранди: Francesco Tateo, «*Coloro che a ben far puoser gl'ingegni*». *Elogio o ironia in «Inferno» XVI?*, in *Forme e contesti. Studi in onore di Vitilio Masiello*, a cura di Francesco Tateo e Raffaele Cavaluzzi, Bari, Laterza, 2005, pp. 3–17.

¹⁰ В А., XXVIII, 103–111 приводится высказывание «Кто кончил, дело справил», которым Моска убедил своих сторонников в необходимости убийства Буондельмонте Бу-

этой когорты грешников, встреченных Данте на следующих этапах его путешествия по преисподней, по отношению к которому поэт не демонстрирует ни малейшего уважения, в отличие от Фаринаты, чье великодушие он специально отмечает, а равно Теггьяйо и Рустикуччи, которых он хотел обнять и о которых говорил почти с той же признью, что и о Чакко: «я любил и почитал измлада / Ваш громкий труд и ваши имена» (А., XVI, 58–60).

Следуя путем, предложенным Боккаччо и Ландино, можно было бы ответить на некоторые вопросы нашего исследования. В рассматриваемом фрагменте смещению интереса от исторического плана к плану вечности соответствует историко-хронологическая ретроспекция — вопрос поэта относится уже не к настоящему его родного города и не к ближайшему будущему, о котором пророчествует Чакко, а к недавнему прошлому, воплощенному в его наиболее выдающихся представителях. Тем самым четвертый вопрос оказывается теснейшим образом связан с третьим, касающимся причин усобиц во Флоренции: «чем раздор / Зажжен в народе этом многозлобном?» (А., VI, 62–63), и диалог с Чакко предстает как почин исследования политического измерения человеческой жизни. Автор этого исследования смотрит на человечество с трансцендентной позиции, из вечности, но изыскания свои осуществляет в историческом плане и исходит из него. Он анализирует первопричины испорченности человеческой природы и ставит себе целью указать людям путь к земному счастью и к спасению. Для Данте как персонажа поэмы речь также идет о начале пути. Оценочное суждение — на первый взгляд, обескураживающее, — произносит *viator* [путник], стоя у истоков своего собственного пути познания и очищения; путник, призванный, двигаясь от одного этапа своего мучительного *descensus* [нисхождения] в адские глубины к другому, обрести чистоту совести и ясность сознания. А это подразумевает, среди прочего, и превосходение той логики, представлений, форм опыта, которые были для него актуальны в момент, когда он оказался «в сумрачном лесу». В нашем случае речь идет о превосходении светской этики, провозвестником которой Данте делает самого себя — как в ключевом вопросе, обращенном к Чакко, так и в своего

ондельмонти, чтобы отомстить за оскорбление, нанесенное одним из его родственников, который не сдержал своего обещания жениться на одной из представительниц семьи Амидеи; этот совет «злой посев принес родной земле», а равно — добавляет Данте, подразумевая изгнание Ламберти вместе со всей гибеллинской партией в 1258 г. — «смерть его сокровным». Среди позднейших комментаторов только Инглезе указывает на парадоксальность упоминания Моски среди тех, кто «направил свой разум к свершению благих дел».

рода ответе на этот вопрос, который можно вычитать из приведенных нами выше стихов 57–60 XVI песни. Нормы этой этики поэт разделял сам, теперь же он обнаруживает, что для спасения следовать им недостаточно¹¹). Однако вместе с тем в рассматриваемом фрагменте ставится под вопрос само понятие «совершения благих дел» [ben fare], кажущихся благими именно адептам светской этики, а также их политическая «эффективность» в Дантовом смысле этого термина, т. е. в смысле построения гармоничного и упорядоченного гражданского строя, являющегося зеркалом того порядка, который по замыслу Божьему должен был служить основанием земного благополучия. Благодетия сомнительны, если они не являются частью «тотального» нравственного измерения, охватывающего все аспекты жизни людей, в том числе ее личные, приватные стороны. Если верно, что, как отмечал Саверио Белломо, в шестой песни Данте «усматривает причины упадка Флоренции именно в порче нравов, наблюдаемой, в первую очередь, в сфере частной жизни представителей правящего слоя», то политические действия «тех, что направили свой разум к свершению дел благих», пусть сами по себе и заслуживающие похвалы, оказываются совершенно недостаточными, «потому что, — продолжает исследователь, — люди эти построили *res publica* на шатких основаниях, не дерзая раздражать общественное мнение требованиями нравственной чистоты, коей они сами должны были стать примером. Осуждению подлежит все предшествующее поколение, раз самые выдающиеся его представители [...] оказались “среди душ еще чернейших”. А потому контраст между благими делами этих людей и их посмертной участью следует рассматривать именно в этом свете»¹²).

Напротив, «благие дела» самого поэта оказываются предметом нового, более сурового пророчества, следующего за пророчествами Чакко (А., VI, 64–75) и Фаринаты (А., X, 79–81) и относящегося к изгнанию Данте. Изрекает его Брунетто Латини. Сколь своеобразна его речь утонченного ритора, построенная по всем канонам ораторского искусства, исполненная «брунеттизмом», которые читатели этой поэмы должны были уметь распознавать¹³); столь же оригинальна и избранная им точка зрения.

¹¹ Об этом см.: Crupi, A proposito del «ben fare», p. 337.

¹² Alighieri, *Inferno*, p. 104. См. также рассуждения, связанные с фигурами Теггьяйо и Якопо Рустикуччи, в комментарии к XVI песни, с. 104.

¹³ См.: Tiziano Zanato, *Su «Inferno» XV e dintorni*, «Rivista di letteratura italiana», VI (1988), pp. 185–246; см. также недавние наблюдения, касающиеся этой проблемы, в работе: Claudia Villa, *Canto XV. Retorica (e cecità) di Ser Brunetto*, in *Cento canti per cento anni. Lectura Dantis Romana, I, Inferno*, a cura di Enrico Malato e Andrea Mazzucchi, vol. I (canti I–XVII), Roma, Salerno, 2013, pp. 459–483.

Парадигмой суждения Брунетти становится радикализованная оппозиция добра и зла, выливающаяся в финале речи в метафорическую антитезу «худой рябины» и «нежной смоковницы». В пророческой речи Дантов наставник переходит к «благим делам» своего ученика, которому покровительствует благосклонное небо и строят козни коварные и неблагодарные сограждане:

И если б я не умер в ранний срок,
То, видя путь твой, небесам угодный,
В твоих делах тебе бы я помог.

Но этот злой народ неблагородный,
Пришедший древле с Фьезольских высот
И до сих пор горе и камню сродный,

За все добро врагом тебя сочтет:
Среди худой рябины не пристало
Смоковнице растить свой нежный плод.
(А., XV, 58–66)¹⁴

То, что «добро», совершенное Данте, означает здесь правильное политическое и гражданское поведение, этико-политическую справедливость, подтверждается контекстом речи Брунетто, а равно и самой его судьбой изгнанника. Во введении к «Сокровищу» он сетует на недавно полученное им известие из родной Флоренции, которая из-за внутренних усобиц не может надеяться на спасение («не может избежать гибели / город, в котором царит раздор»), если только ее граждане «все сообща» не «будут крепко держаться / мира и творить благие дела»¹⁵: не может спастись город, в котором граждане,

¹⁴ Образ сладостных плодов, произрастающих из привычки к творению добра, понимаемого как нравственно совершенное поведение, появляется у Данте также в одном эпизоде из «Пира» (IV, 21): «При этом следует иметь в виду, что первый и самый благородный росток, пробивающийся из этого семени, чтобы принести плоды, — это то духовное влечение, которое по-гречески называется “hogmen”. И если этот росток должным образом не взрастить и должным образом не поддерживать его и не приучить расти прямо, то сам посев мало чего стоит и лучше было бы ему вовсе не быть посеянным. А потому святой Августин, а также Аристотель во второй книге “Этики” требуют, чтобы человек привыкал поступать хорошо и обуздывать свои страсти, с тем чтобы названный побег от хорошей привычки окреп и утвердился в своей прямоте, так чтобы он мог плодоносить и чтобы плод его источал сладость человеческого блаженства» (пер. А. Г. Габричевского).

¹⁵ Brunetto Latini, *Tesoretto*, in *Poeti del Duecento*, a cura di Gianfranco Contini, Milano-Napoli, Ricciardi, 1968, tomo II, p. 182 (vv. 175–179).

живущие в согласии между собой, не готовы презреть партийные разногласия ради общего блага. Своего рода комментарием к этим септенариям «Сокровища» выступает Параграф 8 «Риторике»¹⁶, посвященный благим делам как основанию разумного управления человеческим обществом, в данном случае городской коммуной, — управления, нацеленного на поддержание мирного, упорядоченного, зиждущегося на справедливости сосуществования граждан (об этом речь идет, в частности, в Параграфе 5). Этот мотив красной нитью проходит через все сочинение Брунетто Латини. Более того, в «Риторике» эта проблема в полной мере отнесена к области ораторского искусства, красноречия, нацеленного — совсем как у Цицерона, которого Бруни переводил и комментировал, — на политическую регламентацию общественной жизни. Тем самым риторика и сфера политических ценностей оказываются неразрывно связаны между собой, так же, как и поэзия, как и гражданская наука — та самая, что «наставляет людей и указывает им путь к свершению благих дел, подобно поэтическим сочинениям, в которых описываются древние истории, великие битвы и другие события, подвигающие людей к добродетельным поступкам» (*Rettorica*, 17, 21)¹⁷.

Деяния ученика, которым посодействовал бы и учитель, будь он жив, представляют собой не что иное, как нравственные и политические инициативы, претворяемые в жизнь: и в литературном творчестве, и в участии в городском ополчении, и в политической жизни коммуны. Если в целом пророчество Брунетто относится как к изгнанию Данте, так и к последующему его размежеванию с товарищами по изгнанию, принадлежавшими к партии «белых», то упоминание о «совершении благих дел», из-за которых флорентийский народ сделался врагом поэта (а как явствует из стихов 71–72, вскоре уже и Черные, и Белые стали искать его гибели), очевидно, относится к его политической деятельности. Следовательно, по сравнению с «благими делами» персонажей, упомянутых в шестой песни — как бы мы ни интерпретировали этот эпизод «Комедии», — направляемое справедливостью политическое поведение Данте свободно от любой пар-

¹⁶ «В этой части Туллий говорит: то, что мудрость не может совершить сама по себе, она совершает в союзе с красноречием [...] Как было сказано выше, люди собрались вместе и научились творить добро и любить друг друга, ради этого основав города и поселения; благодаря этому разные города начали доверять друг другу. Под словом «доверять» я имею в виду «не обманывать других и избегать раздоров и тяжб» — если граждане ведут себя подобным образом, в городе воцаряется мир» (*Brunetto Latini, La Rettorica, testo critico di Francesco Maggini, Firenze, Le Monnier, 1968, p. 26*).

¹⁷ Latini, *La Rettorica*, p. 49.

тийности, свойственной всем вышперечисленным персонажам его поэмы, и согласно с идеалом самой строгой морали. В период изгнания, последовавший за всеми этими невзгодами, задачей Данте должно было стать, по мысли Брунетто, воодушевление граждан к совершению благих дел посредством писательства и поэзии. И вот ученик — который уже самим подражанием языку учителя доказал, что хорошо усвоил его науку и даже превзошел ее, сохранив в неприкосновенности ядро его учения: связь между искусством слова и политической деятельностью, — представляет фигуру Брунетто, по верному замечанию Джорджо Инглезе, как «прообраз — несовершенный и предварительный, но необходимый — себя самого»¹⁸⁾.

Одна из причин недостаточности образа Брунетто — причина, сыгравшая решающую роль в вопросе о спасении его души, — заключена в том единственном разделе его учения, на который он открыто указывает: «как человек восходит к жизни вечной» (А., XV, 85). Целью благородного нравственного и гражданского делания — творения благих дел — для Брунетто является слава, «пристань славы» (А., XV, 56), уготованная его ученику; ценность более высокая, чем известность или успех, но абсолютно мирская, обеспечивающая бессмертие на земле, но не спасающая от «вечных мук» (А., XV, 42), которые Брунетто оплакивает вместе со своими присными. При этом, однако, славолюбие не исключает возможности спасения: точнее было бы сказать, что слабость человека препятствует стремлению его к Богу как к истинной и конечной цели: это стремление берет начало в любовном порыве и воплощается в добродетельных деяниях праведных людей, о чем свидетельствуют души на небе Меркурия. Среди них особое место занимает Ромео из Виллановы, в истории которого по рассыпанным в тексте намекам легко распознать судьбу Данте, предсказанную Брунетто:

И здесь внутри жемчужины прекрасной
Сияет свет Ромео, чьи труды
Награждены неправдой столь ужасной.

Но провансальцам горестны плоды
Их происков; и тот вкусит мытарства,
Кому чужая доблесть злей беды.

(Р., VI, 127–132)

¹⁸ Alighieri, *Commedia. Inferno*, pp. 180–181.

Исследование этико-политических оснований мирского порядка, предустановленного Богом ради счастья людей на земле, достигает высшей точки в триптихе Чистилища, расположенном в центре поэмы, где соседствуют и переплетаются друг с другом три великие проблемы свободы, политики и любви, поставленные в связи с радикальным вопросом о причинах существования зла, погружающего мир во мрак. Это исследование проливает свет на нравственную сущность любви, перводвижитель человеческих действий, которая рассматривается в динамическом отношении со свободной волей человека. Также оно проясняет, в оптике проимперской и универсалистской политической программы, артикулированной в речи Марка Ломбардского, горизонт и, если можно так выразиться, политическое значение добрых дел, творимых самим поэтом. В фокусе внимания поэта здесь — нерадивые из XVIII песни «Комедии», искупающие, в соответствии с обращенными к ним словами Вергилия, неутомимым бегом лень и «теплохладность в свершении добрых дел» (Ч., XVIII, 106–108). Образчики такой добродетели, как рвение в совершении благих дел, и противоположного ей порока у Данте поставлены во главе цепи бегунов и замыкающих ее: это, с одной стороны, Дева Мария, поспешившая на встречу с Елизаветой, и Цезарь, без промедления начавший военную кампанию в Испании, а с другой — еврейский народ, медливший последовать за Моисеем в землю обетованную после бегства из Египта, а также троянцы, которые не пожелали последовать за Энеем в его путешествии к Риму и предпочли остаться на Сицилии (Ч., XVIII, 100–102 и 133–138). Таким образом, в центре внимания оказываются фигуры, являющиеся символами двух держав и двух форм власти, установленных Богом для управления миром согласно Его Промыслу, воплощению которого в жизнь они или способствовали своими благими усилиями, или чинили препоны своим нерадением. Понимаемые как соработничество на политическом поприще в строительстве «истинного Града» (Ч., XVI, 96) ради достижения земного счастья и рассматриваемые в перспективе проимперской и универсалистской программы, благие дела Данте одним броском оставляют далеко позади деяния флорентийцев из VI песни Ада, а равно и свершения его наставника Брунетто Латини, горизонт которых ограничен пределами города и логикой партийной борьбы и мирских забот¹⁹.

Именно здесь, на последнем этапе восхождения на гору Чистилища, устами Вергилия, расспрашивающего Стация об обстоятельствах

¹⁹ См. новаторскую интерпретацию муниципального измерения творчества и мысли Брунетто Латини, и в частности, в связи с XV песней Ада: *Villa, Canto XV*.

его обращения, поэт объясняет нам, чего именно не доставало благим делам грешников, замкнутых при жизни в стенах Флоренции, а после смерти — в стенах города Дит: веры, «без которой мало добрых дел» (Ч., XXII, 60). Без веры нравственных добродетелей недостаточно для спасения, ибо вера должна направлять здоровое нравственное поведение и служение на гражданском и политическом поприще к истинному благу, которое является их исполнением и последним основанием.

Слова, вдохновленные Посланием к Евреям (11:6), вложены в уста того, кого собственный горький опыт заставляет осознать их с особой ясностью, — Вергилия (ср. А., IV, 33–42) и обращены к тому, кто обрел спасение благодаря его поэзии. В чем заключаются «благие дела» Стация? Об этом мы узнаем из предыдущих строк: это нравственно добрые поступки, на которые подвигли Стация произведения Вергилия, побудившие его осознать свой грех расточительности и покаяться в нем. Однако Стаций — поэт, предстающий перед читателем в обществе других поэтов в эпизоде, в центре которого — ценность и функция поэтического слова, и потому нельзя не увидеть, что свойственное ему «творение добрых дел» [*ben fare*] подразумевает также его литературные занятия. Поэзия — как свидетельствует о том опыт Стация — не гарантирует спасения, но может привести к вере, для спасения необходимой.

Благие дела на ниве гражданского служения, осуществляемого посредством слов, согласно наставлениям Брунетто, недостаточны для спасения, ибо они остаются в границах Града Земного. Данте преодолевает ограниченность этого учения и связывает задачи своего поэтического *ben fare* с богословской поэмой, помещающей политическое измерение поэзии в перспективу, которая выходит за границы гражданского мира и вместе с тем делает его истинным, и, укрепляя надежду и веру, указывает людям путь к земному счастью и вечному блаженству.